

Научная статья
УДК 903.5
doi: 10.17223/15617793/514/9

Неолитическое погребение ребенка могильника Усть-Алейка-5 (одна из версий историко-культурной реконструкции)*

Кирилл Юрьевич Кирюшин¹, Вадим Борисович Бородаев², Ирина Васильевна Толпеко³

¹ Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, kirill-kirushin@mail.ru

² Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия, borodaev_vb@altspu.ru

³ Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск, Россия, itolpeko@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрено погребение ребенка могильника Усть-Алейка-5, относящееся к одному из восьми известных «вертикальных» захоронений мезолита – неолита Северной Евразии. Оно самое позднее, единственное принадлежало ребенку и выделяется среди детских могил синхронных памятников «взрослым» сопроводительным инвентарем. Специфика захоронения позволяет предположить, что соплеменники рассматривали этого ребенка с особенностями физиологии как «будущего стража», который «по мере взросления в ином мире» будет охранять свою родовую территорию.

Ключевые слова: неолит, Северная Азия, грунтовый могильник, «вертикальное» захоронение, погребение ребенка

Источник финансирования: работа выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ, проект № 24-28-01030 «Погребальные комплексы неолита-энеолита Барнаульского Приобья в кругу синхронных памятников Южной Сибири и сопредельных территорий».

Для цитирования: Кирюшин К.Ю., Бородаев В.Б., Толпеко И.В. Неолитическое погребение ребенка могильника Усть-Алейка-5 (одна из версий историко-культурной реконструкции) // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 514. С. 80–87. doi: 10.17223/15617793/514/9

Original article
doi: 10.17223/15617793/514/9

Neolithic burial of a child at the Ust-Aleyka-5 burial ground (a version of the historico-cultural reconstruction)

Kirill Yu. Kiryushin¹, Vadim B. Borodaev², Irina V. Tolpeko³

¹ Altai State University, Barnaul, Russian Federation, kirill-kirushin@mail.ru

² Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russian Federation, borodaev_vb@altspu.ru

³ Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation, itolpeko@yandex.ru

Abstract. The Ust-Aleyka-5 monument was discovered in 1981 in the village of Ust-Aleyka, Kalmansky District, Altai Krai. A pit with a diameter of about 0.3 m and a depth of 0.6–0.7 m in the continent contained a vertically located skeleton of a young child (two years $\pm$ 8 months) accompanied by a rich and varied inventory. The unclosed anterior fontanelle on the skull, the very large size of the braincase for this age with normal sizes of the facial region allow us to assume macrocephaly caused by hydrocephalus. Two AMS dates were obtained for teardrop-shaped pendants made of bone or antler: 5,550 $\pm$ 25 BP (IGAN-5829) and 5,219 $\pm$ 86 BP (NSKA-01941). The burial of a child from the Ust-Aleyka-5 burial ground belongs to an extremely rare type of "vertical" burials in Northern Eurasia. V.A. Zakh suggests that such buried people played the role of "guardians" protecting their deceased relatives in the necropolises. The burial site stands out against the background of synchronous monuments of Northern Eurasia by its "adult" component of the accompanying inventory (arrowheads, an axe, etc.). Among the peoples of Siberia, child burials were carried out according to a simplified burial rite. Exceptions are associated with children who were to become shamans or were born with congenital deformities. Four lower jaws of a marmot, 23 bones of a marsh harrier and the crown of a sable tooth were found in the grave. The burial inventory of burial 2 of the Ust-Aleyka-5 ground burial ground embodies the idea of three worlds: upper (heavenly), middle (real), and lower (underground). Four lower jaws of a marmot, pendants made of Unio shells, and an ornament made of the Tritia nitida shell are markers of the "lower" world, the bones of a marsh harrier are the upper world, and pendants made of maral teeth are the middle world. The behavioral features of

* Результаты исследования обсуждались в рамках XIX Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции «Исторический опыт этнокультурного освоения пространств Северной Евразии и сопредельных территорий», состоявшейся 16–18 мая 2024 г. на базе Томского государственного университета.

the marsh harrier are a strong attachment to a specific place and its protection from penetration from the outside. Marmots are very cautious. The marmot "sentinel" usually stands guard on a hill and, in case of danger, warns his relatives (and other animals) with a loud whistle. The child was also placed in the grave vertically. Sable lives in a small area, which it guards and protects. The listed animals are united by territorial conservatism – attachment to a permanent habitat, protective (marsh harrier and sable) or warning (marmot) behavior. The vertical arrangement and the nature of the accompanying inventory allow us to consider the child from the burial of the Ust-Aleika-5 burial ground from the position of his fellow tribesmen as a "future guard", a defender of the ancestral territory. The presence in the grave of the bones of a marsh harrier, marmots and a sable tooth can be interpreted as his accompaniment by assistants – "guards" from the animal world, who were supposed to help the future defender protect the territory entrusted to him.

Keywords: Neolithic, Northern Asia, ground burial ground, "vertical" burial, burial of a child

Financial support: The research was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 24-28-01030

For citation: Kiryushin, K.Yu., Borodaev, V.B. & Tolpeko, I.V. (2025) Neolithic burial of a child at the Ust-Aleyka-5 burial ground (one of the versions of the historical and cultural reconstruction). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 514. pp. 80–87. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/514/9

Введение

Памятник Усть-Алейка-5 обнаружен в 1981 г. в с. Усть-Алейка Калманского района Алтайского края. Могильник располагался на небольшом мысу, образованном левым бортом долины Алей в его устьевой зоне, где старое русло реки выходит в пойму Оби. Исследованиями 1982 г. было выявлено неолитическое погребение № 2. В небольшой яме диаметром около 0,3 м и глубиной в материке 0,6–0,7 м вертикально располагался скелет ребенка в сопровождении богатого и разнообразного инвентаря.

В ходе проведенных антропологических исследований удалось восстановить форму черепа ребенка, уточнить пол (мальчик) и возраст его смерти – два года $\pm$ 8 месяцев (ранний детский возраст). Незакрытый передний родничок на черепе и его значительная площадь, очень большие для этого возраста размеры мозговой коробки при нормальных размерах лицевого отдела позволяют предполагать макроцефалию, обусловленную гидроцефалией (водянка головного мозга) [1. С. 14, 24. Рис. 1]. Таким образом, причиной экстраординарности набора сопроводительного инвентаря и в целом погребального обряда мог быть патологический статус погребенного. Вероятно, еще при жизни в силу особенностей этого ребенка (интенсивный рост головы, опережающий рост тела, особенности поведения, которые могут проявляться у больных гидроцефалией – беспокойство, судороги, спазмы конечностей и их непроизвольные движения, закатывание глаз и др.) у сородичей сформировалось к нему особое отношение.

Краниометрические и одонтологические параметры позволяют отнести индивида к антропологическому пласту автохтонного населения центральных регионов Евразии, который на современном этапе для неолита-энеолита представлен краниологическими сериями из могильников Среднего Прииртышья, Верхнего Приобья, Барабинской лесостепи, а также Приаралья [1. С. 24].

В погребении ребенка обнаружено более 250 украшений четырех видов: 129 подвесок каплевидной формы из кости (рога?) [2. С. 50. Рис. 3, 1–3], более 100 подвесок из раковин *Unio aff. tumidus* (их подсчет проведен по сохранившимся экземплярам) [2. С. 51–52. Рис. 4–7], 25 подвесок из резцов марала с отверстиями для подвешивания [2. С. 50. Рис. 3, 4–6] и одна раковина морского брюхоногого моллюска *Tritia nitida* в

верхней части заполнения могилы. На некоторых каплевидных подвесках и зубах марала хорошо прослеживаются следы крепления – желобчатые структуры с мягкими сглаженными краями, что свидетельствует об их длительном использовании.

Наибольший интерес вызывают украшения из раковин. Брюхоногий моллюск *Tritia nitida* – представитель морской фауны, который и в настоящее время широко распространен на атлантическом побережье Европы, в Средиземном, Чёрном и Азовском морях. Находка этой раковины свидетельствует о протяженных контактах / мобильности населения степного пояса Евразии в эпоху неолита [3. С. 11–12].

Не менее интересны подвески из створок раковин *Unio aff. tumidus* – продолговатой перловицы. В настоящее время она не обитает в Приобье. В качестве сырья использовались ископаемые плейстоценовые раковины *Unio* из обнажения Калистратиха I на левом берегу Оби в 18 км к северу от могильника Усть-Алейка-5 [2. С. 55]. Таким образом, головной убор/одежда/накидка? маленького ребенка имел более чем 250 эффектных украшений, что демонстрирует высокий статус погребенного.

В могиле были обнаружены 49 изделий из камня, в том числе топор с подшлифовкой и бифасы [2. С. 50. Рис. 3, 7; 8], скребок, абразив с желобком, отщепы с ретушью, наконечники стрел и др., а также роговое острие. В верхней части заполнения могильной ямы найдена небольшая плитка подтреугольной формы из зеленоватого камня. В ходе микроскопического исследования установлено, что один из ее острых углов имеет следы износа, характерные для резца и следы охры на рабочей части. В этой связи в составе сопроводительного инвентаря вызывает интерес небольшой кусочек гематита с многочисленными царапинами от соскабливания. Следы охры прослежены и на украшениях.

В могиле были обнаружены четыре нижние челюсти сурка (определение Н.Д. Оводова), 23 кости болотного луны (все от одной особи, определение Н.В. Мартынович) [3. С. 51] (рис. 1, 2) и коронка зуба соболя (определение П.А. Косинцева).

По каплевидным подвескам из кости или рога получены две AMS даты, выполненные в разных лабораториях 5550 ± 25 л.н. (IGAN-5829) и 5219 ± 86 л.н. (NSKA-01941). Для определения календарного возраста проводилась калибровка дат в компьютерной программе OxCal версии 3.10.

Для первой даты получены значения 4445–4415, 4400–4380, 4375–4350 лет до н.э. по 1σ и 4450–4340 лет до н.э. по 2σ и для второй 4230–4190, 41770–4090, 4080–3950 лет до н.э. по 1σ и 4350–3800 лет до н.э. по 2σ.

Калибровка в программе 14 дала несколько иные результаты.

Для IGAN-5829 получен интервал 4446–4346 с вероятностью 95,4%, для NSKA-01941 4318–4296 (1,5%), 4256–3906 (85,9%) и 3879–3802 (8%).

Вадим Борисович!

Приезжал из Красноярска орнитолог,
сделал определение собранных Вами
костей. (Цит. на обороте листа)
Затем засунул лапцу в погребение
луны, сам бог их объяснит. Хорошо,
если бы эти косточки, такие как и
остатки сурков остались в нашей
коллекции. Во всяком случае с
ними полезно будет сравнивать новые
находки.

Наши в своих письмах адрес
того музеев, что привез кусок горшка
с Ульмени: Погударов Юрий Владимирович
Горно-Алтайск, Коммунистический, 154, д. 3.

Молодчик помнит тот горшок и
обещал разыскать.

Всех благ.
С наступающим Новым Годом!

12. XII. 1987. Н. Овдов.

Рис. 1. Письмо Н.Д. Овдова о костях болотного луны и сурков в детском погребении из могильника Усть-Алейка-5

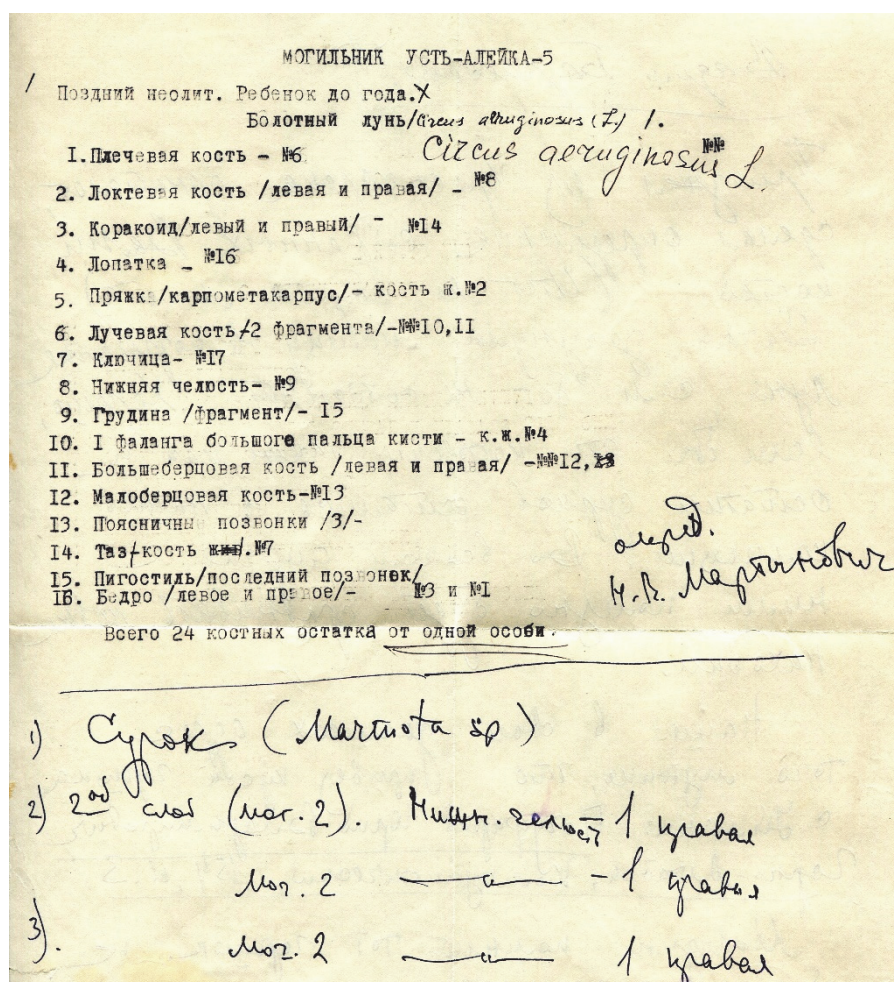

Рис. 2. Перечень костей болотного луня из детского погребения могильника Усть-Алейка-5 (определение Н.В. Мартынович) из письма Н.Д. Оводова

Работы по определению абсолютного возраста погр. 2 грунтового могильника Усть-Алейка-5 планируются продолжить, используя в качестве образцов для датирования позвонков ребенка и подвеску из зуба марала.

Обсуждение результатов исследования

Погребение ребенка из могильника Усть-Алейка-5 относится к крайне редкому типу «вертикальных» захоронений мезолита – неолита на территории Северной Евразии. Кроме него к настоящему времени известно семь могил с вертикальным расположением умершего: в Верхнем Приобье у с. Заречного на р. Инге, в Притоболье у д. Пеган, в 80 км севернее Берлина (Германия), четыре погребения исследованы в Оленеостровском могильнике на Онежском озере [4. С. 82]. Как отмечает В.А. Зах, «в пределах этого способа захоронения имеются определенные варианты: в Оленеостровском могильнике – наклонные погребения, в Гросс Фреденвальде – наполовину открытое захоронение [4. С. 83].

По мнению исследователя, анализ имеющихся вертикальных захоронений показывает отсутствие взаимосвязи между погребальным обрядом, половой принадлежностью умерших и инвентарем. Он выдвинул предположение, что «такие погребенные в силу их индивидуальных особенностей выполняли роль своего

рода «стражей», охраняющих своих умерших сородичей на территории некрополей» [4. С. 90].

На первый взгляд, применимость данной гипотезы по отношению к погребению ребенка возрастного интервала от 1 до 3 лет из могильника Усть-Алейка-5 вызывает обоснованные сомнения. Роль индивида столь раннего возраста в качестве «стража» может представляться проблематичной.

Известны отдельные, очень редкие погребения маленьких детей с богатым сопроводительным инвентарем. Большим количеством украшений отличается могила годовалого ребенка в верхнем течении Дуная на сербской стороне из Власаца (захоронение H297 (Объект 28)), которую исследователи датируют 6700–6500 гг. до н. э. [5. Р. 3454].

Отмечено, что в нем найдено больше украшений, чем в могиле взрослой женщины (H2) этого же могильника. Исследователи задаются вопросом, является ли это отражением принадлежности ребенка к социальной группе с высоким статусом в наследственной системе рангов, а также высказывают предположение, что большее количество украшений в детском погребении может быть связано с символическими/защитными качествами украшений [5. Р. 3463]. Подобные наблюдения и предположения о том, что большее количество инвентаря и украшений в погребениях детей

по сравнению с погребениями взрослых связано с необходимостью обеспечить дополнительную защиту ребенка в потустороннем мире отмечаются археологами и этнографами в разных местах земного шара [6. Р. 158]. Однако такие захоронения нельзя назвать типичными. Может следует поискать другое объяснение как выделению (стремлению защитить через украшения-обереги?) некоторых детей именно таким образом, так и тому факту, что для рассматриваемого периода обилие взрослого инвентаря в могиле ребенка тоже не является обычным явлением.

В этнографической литературе встречаются упоминания о том, что способ захоронения мог зависеть от личного пожелания умирающего. Однако дети раннего детского возраста не могли выразить свою волю, сформулировать свои пожелания и предпочтения. Они не умели изготавливать украшения и не могли длительное время носить их до получения выраженных следов износа, так же как и пользоваться помещенными в погребения орудиями при жизни. Детские захоронения всегда и везде – это не проявления личностного через костюм и украшения, а отражение базовых мифологических и ценностных установок в обществе, обобщенный, стандартизированный стереотип.

Неолитическое погребение ребенка могильника Усть-Алейка-5 выделяется на фоне синхронных памятников Северной Евразии своей «взрослой» составляющей сопроводительного инвентаря (наконечники стрел, бифасы, топор и др.). Угнанасан погребения детей проводились по упрощенному погребальному обряду. Исключения «связаны, как правило, с детьми, для которых “на роду написано” было стать шаманами или они родились с врожденными уродствами» [7. С. 88]. Г.Н. Грачёва приводит в пример погребение полуторагодовалого мальчика под Усть-Авамом: «Умершему были специально сделаны большие нарты, убит олень в праздничной упряжи и оставлено все, чем мальчик мог пользоваться, если бы продолжал расти, начиная от соски и ковшика с остатками манной каши и кончая обувью с ноги взрослого, свитером большого размера, спичками, папиросами, бутылкой питьевого спирта и мелкокалиберной винтовкой с автоматической перезарядкой. Такое отношение к этому мальчику можно объяснить принадлежностью его к семье, некогда славившейся сильными шаманами» [7. С. 88, 90]. Сопроводительный инвентарь явно указывает на то, что предполагалось дальнейшее взросление этого ребенка и его существование в другом мире уже в зрелом состоянии.

В ритуале захоронения ребенка могильника Усть-Алейка-5 особая роль, несомненно, была отведена болотному луню (встречено более 20 костей от одной особи) и сурку (четыре нижние челюсти от разных особей). Болотный, или камышовый, лунь (*Circus aeruginosus*) из отряда соколообразных, семейства ястребиных – самый крупный и ширококрылый из луней (с размахом крыльев от 1,1 до 1,42 м), обитатель берегов рек, озер, болот, покрытых зарослями тростника и рогоза [8. С. 113–115. Табл. 20]. Характерной особенностью болотного луня является территориальность и стремление удерживать за собой гнездовой участок.

Известны случаи гнездования пар луней на одних и тех же местах в течение 15–20 лет [9. С. 1353]. Такие поведенческие особенности болотного луня, как сильная привязанность к конкретному месту и охрана его от проникновений извне наверняка обращали на себя внимание древнего населения, проживавшего в местах обитания этих птиц. Не удивительно, что такой «страж» в птичьем воплощении стал спутником «будущего стража» в человеческом облики.

О различных проявлениях культа хищной птицы у сибирского населения писал Л.Я. Штернберг [10. С. 732–734]. Так, он приводит целый ряд примеров о связи хищных птиц с шаманизмом: о том, что орел/беркут (семейство ястребиные, к которым относятся и луни) был родоначальником шаманов / научил человека шаманить, являлся хранителем, покровителем, спутником и помощником шамана. Изображения орла и части тела орла (кости, перья, когти) украшали шаманский костюм. Само шаманское одеяние являлось изображением птицы, а длинная бахрома символизировала перья и крылья. Культ хищных птиц в целом является одним из универсальных и широко распространенных в рамках первобытной культуры. Однако на территории Северной Евразии в верхнем палеолите, неолите, энеолите широкое распространение получили образы водоплавающей, реже – боровой птицы. Свидетельства существования у сибирского населения представлений, связанных с хищными птицами, для эпох камня и бронзы единичны. Наличие в захоронениях отдельных целых или расколотых костей птиц или животных в ряде случаев можно интерпретировать как сопровождение умершего пищей или орудиями из костей / заготовками для их изготовления. Однако наличие в могиле ребенка из Усть-Алейки-5 костей целой особи хищной птицы – болотного луня – позволяет говорить о существовании именно культовой нагрузки, связанной с хищными птицами, отражающей мировоззрение местного населения.

Не менее интересно присутствие в могиле ребенка из Усть-Алейки-5 четырех нижних челюстей сурка – представителя отряда грызунов (*Rodentia*) семейства беличьих (*Sciuridae*). Виды сурков довольно разнообразны, но их поведенческие стратегии имеют много общего [11. С. 12–14]. Живут они небольшими колониями. Возможно, поэтому ребенка сопровождали четыре челюсти от разных особей как эквивалент группы животных. Сурки очень осторожны, и у них сильно развита зрительная и звуковая коммуникация. Как и болотные луни, они имеют очень хорошее зрение, позволяющее им издалека заметить опасность. Эта возможность усиливается расположением нор на участках, обеспечивающих наблюдение за местностью. Сурок-«часовой» обычно стоит на страже в высокой стойке и в случае опасности предупреждает своих сородичей (и других животных) громким свистом. Также вертикально в могиле расположили и ребенка. Его поза – тоже поза «стража».

Третье животное – соболь (*Martes zibellina*), представлено в захоронении только коронкой зуба. Однако некоторые черты его образа жизни в контексте рассматриваемого вопроса тоже весьма интересны. Это небольшое млекопитающее рода куниц, всеядное (но предпочитающее мясную пищу), активное в любое

время суток. Соболь ловкий и быстрый, уверенно чувствует себя на земле и на деревьях, умеет плавать. Живет он оседло, на небольшом участке (1,5–2 км²), который охраняет и оберегает от сородичей. На этой территории у него есть несколько постоянных и временных убежищ (в корнях, дуплах, валежнике, скалах) [12. С. 71–73].

Кости болотного луня, сурка и соболя – редкое сочетание в сопровождении умершего. Среди других находок они обнаружены в составе инвентаря могилы № 11 Фофановского могильника. Большинство захоронений некрополя одиночные, кроме № 11 (мужчина, женщина с искривлением позвоночника – горб, и ребенок) и № 12 (мужчина и подросток), и с малочисленным сопроводительным инвентарем или безинвентарные [13. С. 65]. Коллективное погребение № 1 сильно выделяется составом сопроводительного инвентаря – изображение головы лося, вкладышевое оружие, костяные «нож» и проколка, коготь медведя, коготь орла, украшения – кольца из кальцита у мужчины, подвески из зубов благородного оленя, более тысячи мелких бусин у детского костяка, клыки кабана, кости косули (?), сурка, соболя и др. [13. С. 237]. В «подголовной сумке» мужчины помимо прочего находилось большое количество заготовок (?) – расколотых трубчатых костей животных и птиц. Радиоуглеродная дата по костям – 6600 ± 100 л. н. [13. С. 59]. Всего в погребении № 11 определены 19 костей различных птиц: лебедь, кряква, черноголовый хохотун, орел, болотный лунь. Из них кости болотного луня (преимущественно фрагменты локтевых и лучевых) от разных особей – 12 экз. [13. С. 243, прил. 4]. С рассматриваемой могилы из Усть-Алейки-5 это захоронение сближает ряд признаков – использование охры, большое количество украшений у детей, подвески из зубов оленя, наличие индивидуумов с патологией, когтевая фаланга хищной птицы, кости болотного луня, сурка и соболя. Нахождение ряда из них в «подголовной сумке» в расколотом виде не исключает культовую нагрузку, учитывая избирательность использования костей определенного вида, в частности – преобладание среди костей птиц болотного луня.

К «атипичным» погребениям с признаками экстраординарной погребальной практики юга Западной Сибири кроме рассматриваемой могилы ребенка исследователи относят захоронение в Нижнетыткескенской пещере-1 (НТП-1) (Горный Алтай) и женское погребение могильника Заречное 1 (Восточное Присалаирье) [14. С. 22]. Черты сходства между погр. 2 грунтового могильника Усть-Алейка-5 и захоронением в Нижнетыткескенской пещере-1 (НТП-1) (Горный Алтай) уже отмечались в научной литературе [14. С. 22; 15. С. 27]. В контексте данной работы имеет смысл вновь обратиться к сравнительному анализу этих погребений, первоначально отметив, что погр. 2 грунтового могильника Усть-Алейка-5 и погребение в НТП-1 очень близки по времени или даже синхронны. В первой половине 1990-х гг. по костям человека из НТП-1 было получено пять радиоуглеродных дат: 5170 ± 40 лет (СОАН-2925), 5440 ± 105 л.н. (СОАН-2926), 5050 ± 45 лет (СОАН-2927), 5380 ± 175 л.н.

(СОАН-2928) и 5075 ± 35 л.н. (СОАН-2929) [16. С. 42]. В научной литературе уже отмечалось, что «при проведении анализов в лабораториях Санкт-Петербурга (Le) и Новосибирска (SOAN) не вносилась поправка на изотопное фракционирование. В современных AMS лабораториях эта поправка делается обязательно, и она обычно приводит к удревнению даты, что и наблюдается на материалах афанасьевской культуры Алтая» [17. С. 185]. Аналогичная ситуация прослеживается на материалах погребения в НТП-1. Прямая ускорительная масс-спектрометрия (AMS) 14C по зубам человека из НТП-1 выполнена в радиоуглеродной лаборатории в Центре археометрии Курта-Энгельхорна в Манхейме, Германия – 5528 ± 28 л.н. (MAMS-50153). Возраст 14C откалиброван с использованием набора данных IntCal2019 и программного обеспечения OxCal v4.4 и SwissCal 1.0 (L.Wacker, ETH Zürich) – 4445–4337 кал. до н. э. [18. Р. 1–11].

Стоит отметить, что при датировании погр. 2 грунтового могильника Усть-Алейка-5 использовались образцы кости (каплевидные подвески), а погребение в НТП-1 датировано по костям человека. Как показывает практика, в подобных случаях реальный возраст погребений может расходиться с радиоуглеродным на несколько сотен лет. На данном этапе исследования можно констатировать, что погр. 2 грунтового могильника Усть-Алейка-5 и погребение в НТП-1 очень близки по времени или даже синхронны.

Анализ сопроводительного инвентаря в НТП-1 позволил исследователям сделать вывод о погребении шамана, который имел доступ и в верхний, и в нижний миры [16. С. 53]. В данном случае маркерами нижнего мира выступают нижние челюсти сусликов [16. С. 36] и рыболовные крючки [16. С. 53]; верхнего мира – обломки мелких трубчатых косточек птиц со следами обработки и скопление костяных основ когтей мелких хищных птиц – 23 экз. Жезл из метаподии задней конечности лося может выступать маркером среднего мира [16. С. 36].

Вполне вероятно, что в составе сопроводительного инвентаря погр. 2 грунтового могильника Усть-Алейка-5 также реализована идея о трех мирах: верхнем (небесном), среднем (реальном) и нижнем (подземном). К нижнему – подземному – миру относят животных, которые делают норы под землей (сурки). К нему же относят все, что связано с водой (изделия из раковин). Птицы и все, что связано с ними, – это символы верхнего мира. Олени, которые по представлениям народов Сибири на рогах несут солнце – персонажи, которые могут относиться и к верхнему миру, и к среднему. Таким образом, четыре нижние челюсти сурка, подвески из раковин *Unio*, украшение из раковины морского моллюска *Tritia nitida* можно рассматривать как маркеры нижнего мира, кости болотного луня – верхнего, подвески из зубов марала – среднего.

Вместе с тем необходимо отметить, что предложенная интерпретация встреченных в могиле ребенка челюстей сурков не находит этнографических параллелей и пока является лишь предположением, возможны и другие объяснения предназначения этих находок. В погребальном инвентаре взрослых захоронений

неолитического времени кости сурков обычно представлены нижними челюстями или зубами [13. С. 56, 59, 65, 80, 237, 238, 240]. Такая же выборка наблюдается в детском погребении из Усть-Алейки-5, где встречены четыре нижние челюсти от разных сурков (три правые, четвертая не определена). На двух из них был отломан венечный отросток, по-видимому, преднамеренно. В совокупности эти характеристики позволяют сделать вывод, что челюсти сурков собирались и применялись не только в погребальном обряде. В жизни неолитического социума они могли иметь какое-то иное предназначение, например, использоваться как орудия труда или нести культовую нагрузку, не связанную с погребальной практикой. Для того, чтобы аргументированно предполагать, каким образом использовали челюсти сурков в неолитическое время, необходимы трасологические исследования.

Заключение

Как показывает анализ этнографической литературы [19. С. 413], у многих народов Сибири шаман рассматривался как «страж», который охраняет свою родовую территорию даже после смерти. В рамках данного исследования мы не будем вдаваться в полемику

о генезисе сибирского шаманизма, время появления которого в зависимости от привлекаемой доказательной базы у разных исследователей варьирует на сегодняшний день преимущественно в пределах периода неолита – бронзы [20. С. 89]. Остановимся на утверждении, что в неолитическую эпоху уже существовала категория людей, в силу некоторых особых качеств, занимавшихся ритуальной деятельностью в рамках представлений и верований отдельных групп населения, в том числе в качестве проводников, посредников и защитников [20. С. 91–92]. Присутствие в могиле ребенка из Усть-Алейки-5 костей болотного луня, сурков и зуба соболя можно интерпретировать как сопровождение его помощниками – «дозорными» и «стражами» из животного мира, которые должны были помогать будущему защитнику оберегать вверенную ему территорию. Всех перечисленных объединяет территориальный консерватизм – привязанность к постоянному месту обитания, защитное (болотный лунь и соболя) или предупредительное поведение (сурок). Вертикальное расположение и характер инвентаря позволяют рассматривать ребенка из погребения могильника Усть-Алейка-5 с позиции его соплеменников как будущего защитника – «стража», который по «мере взросления» в потустороннем мире будет охранять свою родовую территорию.

Список источников

1. Солодовников К.Н., Алексеева Е.А., Бородаев В.Б., Кирюшин К.Ю., Куфтерин В.В., Рыкун М.П., Слепцова А.В. Комплексный палеоантропологический анализ скелета ребенка из неолитического погребения Усть-Алейка-5 в Барнаульском Приобье // Народы и религии Евразии. 2024. Т. 29, № 3. С. 7–31. doi: 10.14258/nreug(2024)3–01
2. Бородаев В.Б., Кирюшин К.Ю., Кузменкин Д.В., Солодовников К.Н. Украшения из раковин моллюсков рода *Unio* в неолитическом погребении могильника Усть-Алейка-5 (Барнаульское Приобье) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2022. Т. 50, № 1. С. 48–56. doi: 10.17746/1563-0102.2022.50.1.048-056
3. Бородаев В.Б., Кирюшин К.Ю., Кузменкин Д.В., Толпеко И.В. Раковина азово-черноморского моллюска *Trytia nitida* в неолитическом погребении ребенка могильника Усть-Алейка 5 (Барнаульское Приобье) // От Подонья до Памира: вопросы изучения неолита. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2023. С. 11–12.
4. Зах В.А. Вертикальные захоронения Северной Евразии // Уральский исторический вестник. 2023. № 3 (80). С. 82–92. doi: 10.30759/1728-9718-2023-3(80)-82-92
5. Cristiani E., Borić D. 8500-year-old Late Mesolithic garment embroidery from Vlasac (Serbia): Technological, use-wear and residue analyses // Journal of Archaeological Science. 2012. Vol. 39. P. 3450–3468.
6. Laporte L., Dupont C. Personal Adornments and Objects of Ornamentation: Two Case Studies From Hunter-Gatherer Burials in France (La Vergne) and Argentina (Arroyo Seco II) // PaleoAnthropology. 2019. P. 156–176.
7. Грачёва Г.Н. Традиционное мировоззрение охотников Таймыра (на материалах нганасан XIX – начала XX века). Л. : Наука, 1983. 173 с.
8. Рябицев В.К. Птицы Урала, Приуралья и Западной Сибири : справочник-определитель. 3-е изд. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2008. 634 с.
9. Спиридонов С.Н. Болотный лунь *Circus aeruginosus* на антропогенных водоемах Мордовии // Русский орнитологический журнал. 2018. Т. 27. Экспресс-выпуск. № 1583. С. 1350–1354.
10. Штернберг Л.Я. Культ орла у сибирских народов (Этюд по сравнительному фольклору) // Сборник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого при АН СССР. Т. 5, вып. 2. Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1925. С. 717–740.
11. Бибииков Д. Повадки сурков // Охота и охотничье хозяйство. 1985. № 1. С. 12–14.
12. Собанский Г.Г. Промысловые звери Горного Алтая. Новосибирск : Наука, 1988. 160 с.
13. Лбова Л.В., Жамбалтарова Е.Д., Конев В.П. Погребальные комплексы неолита – раннего бронзового века Забайкалья (формирование архетипов первобытной культуры). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2008. 248 с.
14. Марочкин А.Г. Погребальная практика населения Верхнего Приобья в периоды неолита и энеолита (История изучения, структурный анализ и типология, проблемы культурно-хронологической интерпретации). Кемерово, 2014. 33 с.
15. Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2002. 294 с.
16. Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф. Археология Нижнетыткескенской пещеры 1. Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 1995. 150 с.
17. Поляков А.В., Святко С.В., Степанова Н.Ф. Проблема радиоуглеродной хронологии афанасьевской культуры и новые данные // Феномены культур раннего бронзового века степной и лесостепной полосы Евразии: пути культурного взаимодействия в V–III тыс. до н.э. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2019. С. 181–187.
18. Wang K., Yu H., Radzевич R., Kiryushin Yu.F., Tishkin A.A., Frolov Y.V., Stepanova N.F., Kiryushin K.Yu., Kungurov A.L., Shnaider S.V., Tur S.S., Tiunov M.P., Zubova A.V., Pevzner M., Karimov T., Buzhilova A., Slon V., Jeong Ch., Krause J., Posth C. Middle Holocene Siberian genomes reveal highly connected gene pools throughout North Asia // Current Biology. 2023. No. 33. P. 1–11. doi: 10.1016/j.cub.2022.11.062
19. Якутские мифы / сост. Н.А. Алексеев. Новосибирск : Наука, 2004. 451 с.
20. Кубарев В.Д. Шаманистские сюжеты в петроглифах и погребальных росписях Алтая // Древности Алтая. 2001. № 6. С. 89–107.

References

1. Solodovnikov, K.N., Alekseeva, E.A., Borodaev, V.B., Kiryushin, K.Yu., Kufterin, V.V., Rykun, M.P. & Sleptsova, A.V. (2024) Kompleksnyy paleoantropologicheskiy analiz skeleta rebenka iz neoliticheskogo pogrebeniya Ust'-Aleyka-5 v Barnaul'skom Priob'e [Comprehensive Paleanthropological Analysis of a Child's Skeleton from the Neolithic Burial Ust'-Aleyka-5 in the Barnaul Ob Region]. *Narody i religii Evrazii*. 29 (3). pp. 7–31. doi: 10.14258/nreur(2024)3–01
2. Borodaev, V.B., Kiryushin, K.Yu., Kuzmenkin, D.V. & Solodovnikov, K.N. (2022) Ukrasheniya iz rakovin molyuskov roda Unio v neoliticheskom pogrebenii mogil'nika Ust'-Aleyka-5 (Barnaul'skoe Priob'e) [Ornaments Made from Shells of the Mollusk Genus Unio from the Neolithic Burial of the Ust'-Aleyka-5 Cemetery (Barnaul Ob Region)]. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*. 50 (1). pp. 48–56. doi: 10.17746/1563-0102.2022.50.1.048-056
3. Borodaev, V.B., Kiryushin, K.Yu., Kuzmenkin, D.V. & Tolpeko, I.V. (2023) Rakovina azovo-chernomorskogo molyuska Trytia nitida v neoliticheskom pogrebenii mogil'nika Ust'-Aleyka 5 (Barnaul'skoe Priob'e) [A Shell of the Azov-Black Sea Mollusk Tritia nitida in the Neolithic Child Burial of the Ust'-Aleyka-5 Cemetery (Barnaul Ob Region)]. In: *Ot Podon'ya do Pamira: voprosy izucheniya neolita* [From the Don Region to the Pamirs: Issues in Neolithic Studies]. Novosibirsk: IAE SB RAS. pp. 11–12.
4. Zakh, V.A. (2023) Vertikal'nye zakhoroneniya Severnoy Evrazii [Vertical Burials of Northern Eurasia]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. 3 (80). pp. 82–92. doi: 10.30759/1728-9718-2023-3(80)-82-92
5. Cristiani, E. & Borić, D. (2012) 8500-year-old Late Mesolithic garment embroidery from Vlasac (Serbia): Technological, use-wear and residue analyses. *Journal of Archaeological Science*. 39. pp. 3450–3468.
6. Laporte, L. & Dupont, C. (2019) Personal Adornments and Objects of Ornamentation: Two Case Studies From Hunter-Gatherer Burials in France (La Vergne) and Argentina (Arroyo Seco II). *PaleoAnthropology*. pp. 156–176.
7. Gracheva, G.N. (1983) *Traditsionnoe mirovozzrenie okhotnikov Taimyra (na materialakh nganasan XIX – nachala XX veka)* [The Traditional Worldview of the Taimyr Hunters (Based on 19th – Early 20th Century Nganasan Materials)]. Leningrad: Nauka.
8. Ryabtsev, V.K. (2008) *Ptitsy Urala, Priural'ya i Zapadnoy Sibiri: spravochnik-opredelitel'* [Birds of the Urals, the Urals Region and Western Siberia: A Reference Guide]. 3rd edition. Yekaterinburg: Ural University.
9. Spiridonov, S.N. (2018) Bolotnyy lun' Circus aeruginosus na antropogennykh vodoemakh Mordovii [Western Marsh Harrier Circus aeruginosus at Artificial Water Bodies in Mordovia]. *Russkiy ornitologicheskiy zhurnal*. 27. Express Issue 1583. pp. 1350–1354.
10. Shternberg, L.Ya. (1925) Kul't orla u sibirskikh narodov (Etyud po sravnitel'nomu fol'kloru) [The Eagle Cult Among Siberian Peoples (An Essay in Comparative Folklore)]. In: *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii im. Petra Velikogo pri AN SSSR* [Collection of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography at the USSR Academy of Sciences]. 5 (2). Leningrad: USSR AS. pp. 717–740.
11. Bibikov, D. (1985) Povadki surkov [Habits of Marmots]. *Okhota i okhotnich'e khozyaystvo*. 1. pp. 12–14.
12. Sobanskiy, G.G. (1988) *Promyslovye zveri Gornogo Altaya* [Game Animals of the Altai Mountains]. Novosibirsk: Nauka.
13. Lbova, L.V., Zhambaltarova, E.D. & Konev, V.P. (2008) *Pogrebal'nye komplekсы neolita – rannego bronzovogo veka Zabaykal'ya (formirovaniye arkhetyпов pervobytnoy kul'tury)* [Burial Complexes of the Neolithic – Early Bronze Age in Transbaikalia (Formation of Archetypes of Primitive Culture)]. Novosibirsk: IAE SB RAS.
14. Marochkin, A.G. (2014) *Pogrebal'naya praktika naseleniya Verkhnego Priob'ya v periody neolita i eneolita (Istoriya izucheniya, strukturnyy analiz i tipologiya, problemy kul'turno-khronologicheskoy interpretatsii)* [Burial Practice of the Population of the Upper Ob Region in the Neolithic and Eneolithic Periods (History of Study, Structural Analysis and Typology, Problems of Cultural-Chronological Interpretation)]. Kemerovo.
15. Kiryushin, Yu.F. (2002) *Eneolit i rannyya bronza yuga Zapadnoy Sibiri* [The Eneolithic and Early Bronze Age of the South of Western Siberia]. Barnaul: Altai State University.
16. Kiryushin, Yu.F., Kungurov, A.L. & Stepanova, N.F. (1995) *Arkheologiya Nizhnetyteskenskoy peshchery I* [Archaeology of the Nizhnetytesken Cave I]. Barnaul: Altai State University.
17. Polyakov, A.V., Svyatko, S.V. & Stepanova, N.F. (2019) Problema radiouglerodnoy khronologii afanas'evskoy kul'tury i novye dannye [The Problem of the Radiocarbon Chronology of the Afanasievo Culture and New Data]. In: *Fenomeny kul'tur rannego bronzovogo veka stepnoy i lesostepnoy polosy Evrazii: puti kul'turnogo vzaimodeystviya v V–III tys. do n.e.* [Phenomena of Early Bronze Age Cultures in the Steppe and Forest-Steppe Belt of Eurasia: Pathways of Cultural Interaction in the 5th–3rd Millennia BC]. Orenburg: OGPU. pp. 181–187.
18. Wang, K. et al. (2023) Middle Holocene Siberian genomes reveal highly connected gene pools throughout North Asia. *Current Biology*. 33. pp. 1–11. doi: 10.1016/j.cub.2022.11.062
19. Alekseev, N.A. (2004) *Yakutskie mify* [Yakut Myths]. Novosibirsk: Nauka.
20. Kubarev, V.D. (2001) Shamanistskie syuzhety v petroglifakh i pogrebal'nykh rospisyakh Altaya [Shamanic Plots in the Petroglyphs and Burial Paintings of Altai]. *Drevnosti Altaya*. 6. pp. 89–107.

Информация об авторах:

Кирюшин К.Ю. – канд. ист. наук, доцент кафедры рекреационной географии, сервиса, туризма и гостеприимства Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: kirill-kirushin@mail.ru

Бородаев В.Б. – ведущий специалист по учебно-методической работе учебной научно-исследовательской лаборатории «Историческое краеведение» Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул, Россия). E-mail: borodaev_vb@altspu.ru

Толпеко И.В. – канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия). E-mail: itolpeko@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

K.Yu. Kiryushin, Cand. Sci. (History), associate professor, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: kirill-kirushin@mail.ru

V.B. Borodaev, leading expert, Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: borodaev_vb@altspu.ru

I.V. Tolpeko, Cand. Sci. (History), associate professor, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: itolpeko@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 08.10.2024;
одобрена после рецензирования 07.12.2024; принята к публикации 30.05.2025.

The article was submitted 08.10.2024;
approved after reviewing 07.12.2024; accepted for publication 30.05.2025.